

## ДВА СТИХА НА ОДНУ ВЫСТАВКУ

Натюрморт с химической посудой, гранатом и неотмытой краской под ногтями.

На выставке трех художников: В. Гаврильчика, А. Полушина и В. Вальрана экспонировалось 37 полотен; первый из упомянутых представил 6 работ, второй — 12 и последний — 19. Экспозиция самими участниками была ограничена жанром натюрморта. Переговоры художников с Управлением культуры, длившиеся более полугода завершились таки выставкой, несмотря на длительные проволочки, неопределенности, переносы сроков. Выставка открылась, но ее загнали в лузу "мертвого сезона", когда постоянный зритель отбывает в отпуск, а случайный зритель (или потенциальный) не имеет необходимой информации по каналам пресловутой же информации.

Для Валерия Вальрана эту выставку можно считать почти персональной, поскольку его вещи составляют большую половину экспозиции. Его композиции предельно незамысловаты и традиционны: бутылки из зеленоватого и прозрачного стекла, яйца на покатой или совершенно развернутой по Штернбергу столешнице, стаканы, заполненные прозрачной, пожалуй, даже дистиллированной водой. Это мир ясных и простых отношений, выраженных в выборе предметов, взаимных рефлексов, которыми они обмениваются и соприкасаются в сдержанной беседе. Несмотря на пристрастие автора к бутылкам разного колыбра: "мерзавчики" и "штофы" — художник в своей живописи по-пури-тански трезв и аналитичен. Если бы мне понадобилось искать название для аналогичной персональной выставки Вальрана, я бы обозначил ее по названию одного из натюрмортов художника — "Химическая посуда". Есть нечто привлекательное в подобной сухой и джентельменски сдержанной манере художника в целом — мало свойственной русской живописной культуре (но более близкой к Петербургу), вызывающей, несмотря на определенный привкус "химизма" среди распространившегося и почти всеобщего ныне амикошонского отношения

современных творцов ко всему и вся, в том числе и к искусству.

Антиподом и своеобразным необходимым "дополнительным цветом" к Вальрану является Анатолий Полушкин. Пожалуй, у него нет такой выверенности перспективных построений, как у первого. Так, в прекрасном по своим цветовым отношениям "Натюрморте с кушином", присмотревшись, можно заметить и огрех: правый косяк окна вдруг неоправданно вылез вперед по сравнению с левым и т.д.. Но это нельзя не списать этому тонкому живописцу, насыщающему свои небольшие камерные полотна сложнейшими цветовыми отношениями на каждом участке холста. Сквозь кожу предметов проступает ток горячей крови, цвет граната, по-видимому, является излюбленным для этого художника, делающего без особого шума свои темные и мягкие небольшие холсты.

В рассматриваемой экспозиции Владлен Гаврильчик выступил в роли примирителя крайностей. Первое впечатление от знакомства с новыми работами Гаврильчика можно выразить так: "Измена!" — настолько это не тот "Гаврильчик", которого мы привыкли встречать на выставках. Уже начиная с "персонажей", — они в большинстве — "не те": оригами (японская игрушка из особого образом разрезанного и сложенного листа бумаги), консервная банка, голубиное перо, сухой и скрученный прошлогодний лист и т.д. Разве только текучие и "по-гаврильчиковски" выразительные в ироническом плане формы — расчлененной китчевой собачки — копики связывают этого незнакомца с прежним "Гаврильчиком". Непривычность этих вещей и недостаток информации — их всего 6 и все в одном жанре, создает атмосферу гадания: то ли это начало нового принципиально, то ли отдушина, то ли причуда. Скорее всего, что это, все-таки, первое. Возросла "техничность", и это, по-видимому, как знамение времени, так и результат развития художника. Кое-кто считает, что этот первый "блин" вышел комом, кое-кто, — что — наоборот. Я для себя еще не выбрал. Признаться, мне очень непривычно видеть Гаврильчика, разгуливающего во фраке "техничности". И я ловлю себя на том, что я стараюсь держаться ближе к "Коту" — единственной вещи от того, ушедшего "Гаврильчика", к которому я привык, де-

лающему "одним топором да долотом" свои портреты и натюрморты с картошкой и слегка припыленной посудой (которая является не только "вещью в себе", но и будучи сданной как стеклотара, становится — и даже очень — для забредшего друга "вещью и для меня"). Вспоминая это, хочется выразиться в духе автоэпитафии Льюиса Стивенсона:

/Если бы!/ "Моряк возвратился с морей и  
Охотник вернулся с холмов".

Но стоп! То ведь эпитафия, а здесь-то мы имеем дело с живым человеком, которого мы, зрители, хотим заставить замереть-умереть (как в детской игре), окоченеть в том, что стало для него, художника, позавчерашним. Может быть лучше приглядеться к новым вещам, и тогда мы в них заметим и сходство, и преемственность, и тогда в новой и непривычной компании натюрмортных персонажей, даже в их разношерстности, мы увидим и иронический подтекст и добродушную ухмылку. А на руках фрачного дэнди — неотдраенные немой следы мазута и засохшей краски...

Р. Скиф

Натюрморт. Выставка В. Вальрана,  
В. Гаврильчика, А. Полушкина.

12-25 июня с 10 до 18 часов. Выходной день - воскресенье. Дом народного творчества, Валерий Вальран - 19 работ, Владлен Гаврильчик - 6 работ, Анатолий Полушкин - 12 работ. Все - живопись

В моей коллекции есть лабры  
От *poissons prehistorique*  
И золотые канделябры  
Мне подарил один старик,  
Который, странствуя в Египте,  
Забрал во град Ахетатон  
И в древней мусульманской крыше  
Из разискал среди храма он.  
Есть среди прочих раритетов  
Парик маркизы Помпадур;  
Среди бисквитов и боскетов  
Он вилен был. Квартет *cs-dur*  
Играл тогда на страдивари  
Известный компонист Ляли,  
Лосось в банановом отваре,  
Рольмонс, шнелъклопс, Мабли, Шабли.  
Из нежной заячьей подмышки  
Перчатки сделаны сии,  
Цилиндр сей носил князь Мышкин  
С отсутствием всякой грации.

Это старое стихотворение одного малоизвестного поэта слова написано об этой выставке и мне к нему почти нечего добавить.

Чувство, что ты находишься в помещении, где собраны редкие предметы и сосуды, которое возникает к середине осмотра выставленных картин стойко держится до конца, по моему, не должно относиться к чувствам, пробуждаемым живописью. Здесь есть некая подмена одного искусства другим.

Можно изображать памятники архитектуры (городской пейзаж), скульптуры, иконы, предметы прикладного искусства (натюрморты) и плохо никогда не будет, присутствие того, изображаемого произведения здесь в картине спасет даже откровенную халтуру. Это не плагиат, но эксплуатация. Не лучше ли просто изображать золотые монеты и крупные купюры?

Второе. В большинстве выставленных натюрмортов, изображенные предметы не радуются своему бытию, не испытывают братских чувств друг к другу, не возносят хвалу пространству и свету. Напротив, они связаны какими-то настороженными, двусмысленными отношениями. Они вовлечены в какое-то действие. Что это: жизнь? театр? мистерия? хорошо ли это или плохо? Мне кажется — не хорошо. Но, может быть, я ошибаюсь. Может быть, это шаг дальше, синтез с театром, с театрализованной действительностью.

При всем при этом демонстрируется мастерство, которому можно позавидовать.

У Вальрана, по-моему, лучшая вещь та, где изображены три стакана на на проклеенном холсте, который и дает общее своеобразное по живописи звучание. Дель, со временем холст выгорит.

У Полушкина в "Натюрморте с чертополохом" сосуд, в котором стоит чертополох, нежно входит в пространство, позванивает своей фактурой. Если бы все в нем было бы сделано так — была бы не картина, а явление.

Гаврильчик прежний мне все-таки ближе. Была в нем его, Гаврильчика серьезная несерьезность, которая импонировала. Теперь все всерьез, но как-то неустойчиво, не веришь ей полностью. Театр виной, что ли?

У.И.